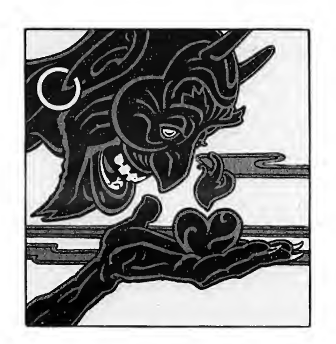
ЮРІЙ ГОНЧАРЕНКО

ВЕЧЕРНІЕ ОГНИ

СТИХИ

1907

ТИПОГРАФІЯ А. БЕНКЕ,
НОВЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ № 2.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

АРАБЕСКИ.

* * *

Вечерніе огни зажглись на небѣ чистомъ,
Багровой полосой горѣлъ вдали закатъ,
Дышала сладко ночь... Въ мерцаньи серебристомъ
Все дремлетъ, все молчитъ, и прудъ, и старый садъ...

И въ этотъ кроткій часъ раздумья и покоя
Печаль уходитъ прочь... Все тихо... Мы одни...
Какъ нѣжно ароматъ намъ льютъ цвѣты левкоя,
О, какъ сіяютъ намъ вечерніе огни!..

QUASI UNA FANTASIA.

АКРОСТИХЪ.

* * *

Мы встрѣтились молча... Ужъ день угасалъ,
И сумракъ окутывалъ дали...
Любовную пѣсню намъ пѣлъ тихій валъ,
А звѣзды такъ кротко мерцали...

Я вторилъ прибою и съ шумомъ волны
Ласкалъ, полный счастья и муки,
Янтарныя губки при свѣтѣ луны,
Лилейную шейку и руки...

Едва лишь съ зарею разстались съ тобой,
Чудесною тайною по́лны...
Кругомъ разливался туманъ голубой,
А на́ морѣ плакали волны...

МУЗА.

Когда вдали отъ дрязгъ, отъ шума и отъ свѣта,
Живу одинъ, въ глуши, въ безвѣстной тишинѣ,
Она въ вѣнкѣ изъ розъ, съ улыбкою привѣта,
Любовницей является ко мнѣ...

Какъ я люблю ее... Какъ чуденъ взглядъ прекрасныхъ
Ея очей, задумчивыхъ и ясныхъ,
И грудь упругая, и станъ ея воздушный,
И голосъ ласковый, живой и простодушный...

И день и ночь я съ ней, съ волшебною богиней,
Живу, какъ въ сладкомъ снѣ, счастливомъ, какъ мечта,—
И жизнь мнѣ въ этотъ мигъ не кажется пустыней—
Въ любовницѣ моей и свѣтъ и красота...

* * *

Каждый разъ лишь только мѣсяцъ
Въ небѣ серпъ засвѣтитъ яркій,
Мы украдкою встрѣчались
У пруда въ тѣнистомъ паркѣ...

Это было такъ недавно —
Золотой порою мая, —
Кротко намъ мерцали звѣзды,
И струилась ночь нѣмая...

Соловей руладой звонкой
Наполнялъ кусты сирени,
И, сгущаясь, становились
Все темнѣе ночи тѣни...

И казались намъ тѣ ночи
Дивнымъ сномъ волшебной сказки, —
Сколько грезъ при каждой встрѣчѣ,
Сколько счастья въ каждой ласкѣ...

Опьяненные любовью,
Жгучей страстію согрѣты,
Мы, обнявшись, по аллеямъ
Такъ блуждали до разсвѣта...

---

19 $\frac{12}{III}$ 02.

* * *

Семьей гвардейскихъ кирасиръ,
Веселой, шумной, безпечальной,
Подъ громъ фанфаръ, при звукахъ лиръ,
Собрались мы на пиръ прощальный...

Собрались здѣсь и шлемъ привѣтъ
На постъ завидный командирскій,
Тому, кто съ честью тридцать лѣтъ
Носилъ мундиръ нашъ кирасирскій...

Тому, кто былъ нашъ идеалъ,
Кто въ насъ будилъ живыя чувства,
Кто намъ съ любовью завѣщалъ
Высокій образецъ искусства...

Прощай же другъ, товарищъ, братъ,
Отъ насъ отторгнутый судьбою,—
Знай, каждый вновь увидѣть радъ
Тебя подъ кровлей полковою...

И осушивъ бокалъ до дна,
Привѣтъ и честь, полковникъ бравый,
Съ стаканомъ добраго вина,
Мы шлемъ тебѣ изъ «крайней правой»...

---

*
* *

Уныло жизнь моя и странно протекала —
Безъ радостей и мукъ, безъ счастья и невзгодъ,
Безъ вѣры въ чистоту и святость идеала,
Безъ сладкихъ грезъ любви за годомъ мчался годъ...

И я изнемогалъ въ усиліяхъ безплодныхъ
Разсѣять мракъ души, моей души больной, —
И въ этихъ сумеркахъ, печальныхъ и холодныхъ,
Я вдругъ увидѣлъ свѣтъ... Минутою одной

Онъ промелькнулъ въ груди блестящимъ метеоромъ,
Промчался и угасъ, какъ яркій лѣтній день...
О, еслибъ знали вы, какимъ живымъ укоромъ
Стоитъ передо мной его нѣмая тѣнь!..

И снова, снова мракъ суровый и угрюмый,
И снова ночь кругомъ и тѣ же змѣи-думы...

ЭСКИЗЪ.

Съ лязгомъ, визгомъ, ржаньемъ, звономъ,
Пыль поднявъ со всѣхъ сторонъ,
Эскадронъ за эскадрономъ
Мчится, солнцемъ озаренъ...

Блещутъ латы, блещутъ каски,
Словно трепетныя краски —
Синимъ, бѣлымъ, золотымъ...
Кони стелются, какъ дымъ...

Надъ горящими орлами,
Пики, вѣя флюгерами,
Колыхались и блистали,
Словно искры — пламя стали...

И пустивъ кобылу вскачь
Рѣжетъ въ воздухѣ трубачъ...

---

* * *

Ее ужъ нѣтъ... Давно-ль суровый, мрачный рокъ
Умчалъ ее туда, откуда нѣтъ возврата...
А я, друзья мои, о, какъ я изнемогъ,
Какъ слабъ я сталъ теперь, какъ сталъ я одинокъ,
Какой зловѣщей тьмой моя душа объята...

И съ грустью я брожу въ холодный сѣрый день
Угрюмой осени по рощѣ опустѣлой...
О, какъ любили мы ея густую тѣнь
Развѣсистыхъ березъ!.. Вотъ прудъ, а вотъ плетень,—
Подъ нимъ въ послѣдній разъ она со мной сидѣла...

Въ истерзанной душѣ воспоминаній рой
Проносится въ тотъ мигъ съ невѣдомою силой—
Не покидай меня, останься, ангелъ милый!
Откликнись, отзовись, отвѣть на голосъ мой,
Что̀ мнѣ вся эта жизнь, весь этотъ міръ постылый!..

Но тихо все вокругъ... Печально рядъ березъ
Стоитъ, и желтый листъ на воздухѣ кружится,
Свинцовымъ пологомъ подернутъ сводъ небесъ,
И съ карканьемъ летитъ въ далекій темный лѣсъ
Голодная воронъ и галокъ вереница...

СВИДАНІЕ.

ИЗЪ ДЕКАДЕНТСКИХЪ МОТИВОВЪ.

Мы въ саду на скамейкѣ сидѣли
И безмолвно на звѣзды глядѣли...
Небеса все темнѣли, темнѣли,
Соловьи звонко пѣсни запѣли,
И высокія, стройныя ели
Тихо, тихо вѣтвями шумѣли...

И сказала ты мнѣ: «Неужели
Ты успѣлъ разлюбить свою Нэли?»
Я плотнѣй запахнулъ край шинели
И отвѣтилъ: «Увы, пролетѣли
Времена, когда плакали, млѣли
Мы, отъ счастья, о, милая Нэли...

Мнѣ твои соловьиныя трели
Ужъ не кажутся звукомъ свирѣли...
Мы напрасно такъ долго сидѣли, —
Ты желаешь, чтобъ мы заболѣли?
Ужъ погасли тѣ чувства, что грѣли
Насъ съ тобой, несравненная Нэли!..»

Небеса между тѣмъ все свѣтлѣли,
Соловьи уже больше не пѣли,
И высокія, стройныя ели
Все сильнѣй и сильнѣе шумѣли...

ТРИ ЖЕЛАНІЯ.

* * *

На востокъ, гдѣ далекій Уралъ
Катитъ медленно темныя воды,
Гдѣ копаютъ въ землѣ минералъ
И не знаютъ культуры и моды —

Шлю туда я свой скромный привѣтъ,
День рожденья вашъ вспомнивши чутко, —
Восемнадцать исполнилось лѣтъ
Вамъ, киргизскихъ степей незабудка!..

Въ этотъ день, говорятъ, что-нибудь
Пожелать новорóжденной надо,
Чтобы свѣтелъ былъ жизненный путь
Или денегъ чтобъ была громада,

Чтобы жить беззаботно весь вѣкъ,
Ни печали не зная, ни горя,
Гдѣ шумитъ, ударяясь о брегъ,
И смѣется лазурное море...

Пожелаю и я въ этотъ разъ...
О, Аллахъ, снизойди къ заклинаньямъ
И отдай свой всесильный приказъ
Тремъ невиннымъ и скромнымъ желаньямъ.

Чтобъ, во-первыхъ, смакуя кумысъ,
Пуда на два прибавиться въ тѣлѣ, —
Безъ сомнѣнья, тогда бы Парисъ
Отдалъ яблочко вамъ, въ самомъ дѣлѣ...

Во-вторыхъ, чтобъ коварный казакъ
Не прельстилъ васъ лампасомъ лазурнымъ, —
Берегитесь попасться впросакъ,
Предаваясь забавамъ амурнымъ...

Наконецъ, чтобъ въ цвѣтущій апрѣль
Услыхать, какъ-нибудь, ваши рѣчи...
Вотъ и все... А затѣмъ fare well
До далекой и радостной встрѣчи...

ВЪ АЛЬБОМЪ.

* * *

Еслибъ владѣлъ я чудесною тайной поэта —
Въ пѣснѣ волшебной я образъ бы вашъ передалъ,
Дивнымъ аккордомъ казалась бы пѣсня вамъ эта,
Звучной волною струился бы мой мадригалъ...

Но не поэтъ, не пѣвецъ я любви и лазури небесной,
Мнѣ не доступна избранниковъ свѣтлая рѣчь, —
Я ль виноватъ, что судьба вмѣсто лиры чудесной
Въ руки дала мнѣ одинъ лишь заржавленный мечъ...

УТРО.

Какъ свѣтло, какъ ярко!.. Мы открыли окна, —
Въ комнату ворвался свѣжій запахъ розъ,
Облаковъ тянулись легкія волокна,
Лучъ купался въ блескѣ золотыхъ волосъ...

Улыбалось солнце, улыбалось утро,
Улыбался кротко мнѣ твой нѣжный взоръ...
И, какъ брызги счастья, искры перламутра
Трепетно сплетались въ сказочный узоръ...

«Билъ свиданья часъ»...

РОМАНСЪ.

Бьетъ свиданія часъ,
Ты гони сонъ отъ глазъ,
Выходи поскорѣе ко мнѣ...
Я стою подъ окномъ,
Я въ плащѣ голубомъ,
Никого нѣтъ въ ночной тишинѣ...

Томной нѣги полна
Свѣтитъ робко луна,
Шепчетъ сказку таинственный садъ,
Ясныхъ звѣздъ хороводъ
Про любовь намъ поетъ
И струится волной ароматъ...

И кругомъ только тишь...
Чуть колышетъ камышъ
Вѣтерокъ надъ уснувшей рѣкой...
Выходи же скорѣй,
Обними, обогрѣй,
И въ объятьяхъ меня успокой...

Бьетъ свиданія часъ,
Сонъ гони ты отъ глазъ,
Жду тебя я давно, мой кумиръ...
Въ сладкой нѣгѣ любви,
Съ бурной страстью въ крови,
Мы съ тобой позабудемъ весь міръ...

---

* * *

Я видѣлъ васъ. Былъ грустный день.
Цвѣтами убранъ гробъ.
Горѣли тускло свѣчи. Тѣнь
Вамъ падала на лобъ.
И пѣлъ вокругъ печальный хоръ —
Былъ пустъ огромный залъ, —
Потупивъ внизъ усталый взоръ,
Я плакалъ и рыдалъ.
И слезы, капая изъ глазъ,
Струились въ тишинѣ...
Но видѣлъ васъ, въ тотъ грустный часъ,
Я, къ счастью, лишь во снѣ.

Я видѣлъ васъ. Былъ майскій день.
И мы — вдвоемъ въ саду.
Я собиралъ въ букетъ сирень,
Вы — рвали резеду.
Кругомъ сверкалъ, кругомъ горѣлъ
Веселый солнца свѣтъ,
И соловей намъ нѣжно пѣлъ
Восторги юныхъ лѣтъ.
Онъ долго пѣлъ. И день ужъ гасъ, —
Вы спрятались въ траву...
И видѣлъ васъ, я въ этотъ разъ,
О, счастье! на яву...

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Былъ въ бѣлую розу влюбленъ мотылекъ, —
Порхая надъ ней до разсвѣта,
Бѣдняжка совсѣмъ наконецъ изнемогъ,
Лучомъ золотистымъ согрѣтый...

Желалъ бы узнать я, въ кого, господа,
Въ кого влюблена была роза:
Вечерняя въ небѣ была-ль то звѣзда,
Напѣва соловки ли греза?..

Не знаю, кого здѣсь любила она...
Я жъ всѣхъ ихъ люблю безъ причины:
И розу, и солнце, звѣзду, мотылька,
И сладкій напѣвъ соловьиный...

СИЛУЭТЪ.

«Прощайте навсегда...» И съ этими словами
Онъ руку ей пожалъ, пожалъ въ послѣдній разъ,
«Простите мнѣ, что я увлекся слишкомъ вами,
А милосердый Богъ проститъ конечно васъ...»

И робко заглянувъ въ задумчивыя очи,
Онъ быстро зашагалъ дорогой... А она,
Она стояла все... Сгущался сумракъ ночи,
И кротко изъ за тучъ катилася луна...

И грустно головой поникнувъ, прошептала:
«О, милый, дорогой, прощай же навсегда...»
И мутный взоръ ловилъ то мѣсто, гдѣ сіяла
Подъ мѣсяца лучомъ гладь свѣтлая пруда...

* * *

То не любовь была... Я не любилъ васъ, нѣтъ...
То былъ порывъ души горячей и мятежной,—
Какъ солнца яркій лучъ, какъ сумасшедшій бредъ,
Онъ охватилъ меня, могучій и безбрежный...

И вотъ разстались мы—огонь страстей погасъ,
Но часто предо мной стоитъ вашъ призракъ милый,—
И чувствую опять, что если встрѣчу васъ,
Огонь въ груди моей зажжется съ прежней силой...

ОСЕНЬ.

Ихъ нѣтъ, тѣхъ свѣтлыхъ грезъ... Безмолвіемъ суровымъ
Наполнена душа, гнететъ меня печаль...
Смотрите, какъ туманъ своимъ сырымъ покровомъ
Окуталъ сводъ небесъ и сумрачную даль...

Вздыхаетъ темный боръ, шумитъ ручей холодный,
И слышится весь день унылый вѣтра свистъ,
И мечется въ тоскѣ глухой и безъисходной
Разсудокъ бѣдный мой, какъ пожелтѣвшій листъ...

ИЗЪ БАЛЬНЫХЪ МЕЛОДІЙ.

Балъ въ полномъ разгарѣ,—
Въ безумномъ угарѣ
Носились открытыя плечи,
Мундиры и фраки,
Капули и баки,
Нестройные звуки и рѣчи...

Кругомъ улыбались,
Болтали, смѣялись,—
Всѣмъ весело было на балѣ...
Одинъ лишь угрюмый,
Съ суровою думой
Я молча слонялся по залѣ...

Мазурки, кадрили
Давно опостыли,
Промчались веселыя лѣта!..
И молвилъ съ тоскою
Я: «право не скрою,
Какъ жаль, что здѣсь нѣту буфета!..»

---

* * *

Ты спросила меня:
«Отчего, словно тѣнь,
Будто тайну храня,
Я брожу цѣлый день...

Отчего не звучитъ
На устахъ моихъ смѣхъ,
Отчего, словно грѣхъ,
Такъ печаленъ мой видъ...

Отчего милыхъ глазъ
Не блеститъ бирюза,
И дрожитъ каждый разъ
Въ нихъ, какъ будто, слеза...»

Я съ отвѣтомъ не ждалъ:
«Не тревожься, мой другъ,
Я такъ много страдалъ —
Это отзвуки мукъ...»

Ты спросила меня:
«Отчего я молчу,
Отчего на коня
Я опять не вскочу...

Отчего я забылъ
Про ружье и ягташъ...
Не привѣтливъ, не милъ
И не нѣженъ, какъ пажъ...

И какъ будто не тотъ,
Нѣту ласки совсѣмъ,
Отчего я, какъ ледъ,
Глухъ къ объятьямъ и нѣмъ...

Ужъ не боленъ ли вдругъ...
О, не будь такъ суровъ...»
«Ты права—я, мой другъ,
Нездоровъ...»

Ты спросила меня:
«Отчего эту ночь
Я, при свѣтѣ огня,
Цѣловалъ свою дочь...

Цѣловалъ, обнималъ
И крестилъ въ полуснѣ...
Отчего я не спалъ
И внималъ тишинѣ...

Отчего блѣдный взоръ
То сверкалъ вдругъ, то гасъ,
Отчего, словно воръ,
Я поднялся въ тотъ часъ

И съ рыданіемъ сжегъ
Прядь волнистыхъ волосъ...»
И на этотъ вопросъ
Я отвѣтить не могъ...

---

* * *

Привѣтъ вамъ сердечный, полярная роза,
Цвѣтите вы, радуя насъ,—
Пусть жизни людской неразлучная проза
Коснуться не вздумаетъ васъ...

Пусть свѣтлой волною, веселой, безпечной
Дни быстро за днями летятъ,
И счастьемъ, и смѣхомъ, и радостью вѣчной
Лазурные глазки блестятъ...

ОДНОЙ БЛОНДИНКѢ.

* * *

Вы стройны, какъ толедская шпага,
Вы нѣжны и прекрасны, какъ крага,
Съ блескомъ свѣтлыхъ лазуревыхъ глазъ
Не сравниться сіянью кирасъ,—
Но безмолвны, какъ сталь палаша,
Ваше сердце и ваша душа...

---

* * *

Заря догорала... И въ небѣ багровомъ
На землю съ улыбкой глядѣла луна,—
Какъ будто бороться съ волшебнымъ покровомъ
Мерцающей ночи хотѣла она...

Но даль незамѣтно темнѣла, темнѣла,
И въ мракѣ тонули одинъ за другимъ
И лѣсъ, и рѣка, что такъ ярко горѣла
Сегодня подъ солнца лучомъ золотымъ...

И въ сладкой дремотѣ, повитый туманомъ,
Покоился садъ и кусты лозняка...
Все тихо... И только надъ плесомъ песчанымъ
Порой доносился лишь свистъ кулика...

---

* * *

Утро. Пальмы. Вздохи моря.
Переливы волнъ.
Чайки. Воздухъ. Брызги. Зори.
Бѣлый парусъ. Челнъ.
Блескъ лазури. Запахъ розы.
Солнце. Яркій свѣтъ.
Смѣхъ. Улыбка. Счастье. Грезы.
Праздникъ юныхъ лѣтъ.

Сумракъ. Тучи. Сосны. Ели.
Темный небосклонъ.
Вѣтра вой и стонъ мятели.
Карканье воронъ.
Грязь. Печальныя поляны.
Блѣдный серпъ луны.
Слезы. Злоба. Горе. Раны.
Праздникъ сатаны.

---

* * *

Въ майскій вечеръ, тихій, чудный,
Мы стояли у обрыва,
Гдѣ узоромъ изумруднымъ
Степь пестрѣла такъ красиво...

Ужъ зажегся мѣсяцъ полный,
И синѣла даль нѣмая,
А внизу шептались волны,
О любви напоминая...

И въ объятьяхъ жгучей ласки
Колыхался станъ твой тонкій,—
Какъ блестѣли твои глазки,
И смѣялась ты какъ звонко...

Я шепталъ тебѣ о счастьѣ,
Къ сердцу страстно прижимая...
Нѣтъ, забыть не въ нашей власти
Намъ тотъ чудный вечеръ мая!..

* * *

... Передъ нами проходила
Тѣней мрачныхъ вереница—
Это грѣшники... Нагое
Тѣло—плечи, ноги, лица—

Было блѣдно и устало,
Мукой вѣяло отъ взгляда,
Въ немъ застылъ холодный ужасъ,
Словно камни—камни ада...

Непрерывными рядами,
Въ царствѣ скорби и печали,
Старцы, жены, дѣвы, дѣти
Проходили передъ нами...

Устремивъ нѣмыя очи
Въ бездну тьмы, ломая руки,
Тихо тѣни подвигались
И сливались съ мракомъ ночи...

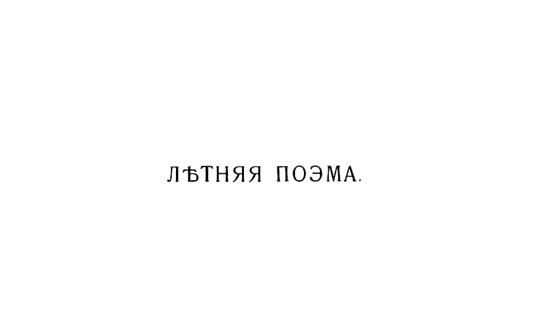
* * *

Я любилъ ее какъ ласку, какъ легенду, какъ мечту
За минуты вдохновенья, за волненье, красоту,
Я любилъ ее за тайну чистыхъ, юныхъ, нѣжныхъ лѣтъ
Такъ, какъ любятъ только звѣзды, блѣдный мѣсяцъ да поэтъ...

И съ невѣдомымъ блаженствомъ и съ мучительной тоской,
Отдаваясь сладкимъ думамъ, я забылъ совсѣмъ покой,—
Только ночь пройдетъ и глянетъ мнѣ въ окошко яркій день—
Я лечу къ моей богинѣ и слѣжу за ней, какъ тѣнь...

И страдаю, и сгораю въ тайныхъ грезахъ... А она,
Словно мраморъ безотвѣтна, и какъ мраморъ холодна...
Но, однажды, въ утро мая, я замѣтилъ какъ-то разъ
Лучезарную улыбку въ робкомъ блескѣ синихъ глазъ...

И страданья и томленья я не вѣдаю съ тѣхъ поръ:
Словно ласка, словно солнце мнѣ сіяетъ милый взоръ,—
Улетая свѣтлой грезой и мечтой въ волшебный край,
Я жалѣю, что мѣняю муки сладкія на рай...

ЛѢТНЯЯ ПОЭМА.

ЛѢТНЯЯ ПОЭМА.

ДЕНЬ ВЪ ЩИРСКѢ.

* * *

«Веселые годы,
Счастливые дни —
Какъ вешнія воды
Промчались они!»

I.

Я помню день... Рукой умѣлой
Справляясь съ парой вороныхъ,
Ямщикъ катилъ меня отъ Бѣлой...
Знакомый видъ картинъ родныхъ

Я не встрѣчалъ... Лѣса и горы,
Луговъ роскошные узоры,
При блескѣ солнечнаго дня
Все было новымъ для меня...

И, развалясь на таратайкѣ,
Я позабылъ свою тоску...
Вверху кричали звонко чайки,
Когда, проѣхавши рѣку,

2.

Возница, жаждавшій похмѣлья,
Сказалъ, смѣясь: «Вонъ Новоселье!..
Тамъ, баринъ, важный есть кабакъ...»
Я обѣщалъ ему пятакъ,

И мы помчались, словно птицы...
Заборы, избы вереницей
Мелькали... Гаснулъ лѣтній день,
Кругомъ ложилась мягко тѣнь,

Дулъ вѣтерокъ и мѣсяцъ ясный
Зажегся въ сумракѣ ночномъ,
Когда, желанный мной такъ страстно,
Я увидалъ вашъ милый домъ...

3.

Минувшихъ дней очарованья
Я вашу прелесть не забылъ —
Какъ сладкій сонъ, воспоминанье
Я въ сердцѣ чуткомъ сохранилъ...

Друзья! не нужно быть поэтомъ,
Чтобъ восхищаться солнцемъ, лѣтомъ
Въ кругу веселыхъ, милыхъ дѣвъ...
Какъ гдѣ-то слышанный напѣвъ

Въ моей груди царите всѣ вы...
Вамъ, дочерямъ прелестнымъ Евы,
Несу, какъ дань, свой первый стихъ
Я изъ сокровищницъ моихъ...

4.

И вотъ, въ погонѣ за свободой,
Любуясь сѣверной природой,
Забывши полкъ свой кирасирскій,
Я наслаждаюсь въ мирномъ Щирскѣ...

Живу веселый и безпечный,
Во все и всѣхъ влюбленъ, конечно,
Откинувъ грусть, сомнѣнье, горе
Не знаю дрязгъ житейскихъ моря...

Но прозу прочь! Рукою смѣлой
Скорѣе примемся за дѣло!..
Настроивъ лиру въ добрый часъ,
Я продолжаю свой разсказъ...

5.

Въ созвучьяхъ легкаго хорея
Воспоминаній милыхъ нить,
Для васъ, кузина, въ январѣ я
Здѣсь постараюсь воскресить.

Чтобъ наградить меня улыбкой,
Я разскажу вамъ въ формѣ гибкой,
Какъ въ уголкѣ своемъ родномъ
Вы проводили день за днемъ...

Какъ вмѣстѣ съ вами мы тамъ жили,
Играли, ѣли, пѣли, пили...
Счастливый часъ, счастливый мигъ,
Кто вашу прелесть не постигъ!..

6.

Въ туманѣ розоваго утра
Полоской яркою горя,
Какъ будто брызги перламутра,
На небѣ брезжится заря...

Въ раздумьи мѣсяцъ запоздалый
Глядится блѣдный и усталый...
Свѣтаетъ... Рано... Крѣпкимъ сномъ
Еще покоится весь домъ...

А вы, вы въ теремѣ своемъ,
Лучомъ зари блеснувъ пунцовымъ,
Ужъ мчитесь въ платьѣ голубомъ
На скотный дворъ, къ своимъ коровамъ...

7.

Вотъ встали всѣ... Девятый часъ...
Послѣднимъ вставши каждый разъ,
Слегка занявшись туалетомъ,
Иду и я съ своимъ привѣтомъ...

А солнце свѣтитъ ярко, ярко...
Вдали, за темной чащей парка,
Змѣится лентою рѣка...
Въ прозрачномъ небѣ облака

Плывутъ волшебнымъ караваномъ...
Въ окнѣ денщикъ стучитъ стаканомъ,
И чиститъ грязнымъ рукавомъ
Ножи и чашки съ молокомъ...

8.

Какъ оживляется балконъ
Прелестныхъ дѣвушекъ букетомъ!
Веселье, смѣхъ со всѣхъ сторонъ,
И въ звукѣ словъ и смѣхѣ этомъ

Есть столько жизни, счастья, силъ!
Въ моей душѣ онъ воскресилъ
Картину юности безпечной,
Прекрасной, чистой, быстротечной...

Благоуханіемъ цвѣтовъ
Наполненъ воздухъ... Чай готовъ...
И отъ природы въ восхищеньи
Беремся съ мѣста за печенье...

9.

Собакъ веселымъ эскадрономъ
Со всѣхъ сторонъ окружены,
Гурьбой разсыпавшись, въ зеленомъ
Лѣсу мы... Запахомъ сосны

Наполненъ воздухъ свѣжій, чистый...
Вдали, вѣщуньи голосистой,
Сидящей скромно на суку,
Доносится: «куку, куку...»

И все живетъ, ликуетъ, дышетъ...
Вотъ вѣтерокъ чуть-чуть колышетъ
Верхушки елей и березъ...
Какъ много думъ, какъ много грезъ

10.

Мнѣ навѣваетъ тишь лѣсная,—
Какъ славно, весело кругомъ...
Но, чу! вильнувъ правѝломъ, Томъ,
Понесся вскачь, впередъ, залая...

То заяцъ... Быстро, разъ, разъ, разъ!
Вся свора съ визгомъ сорвалась...
И долго съ лаемъ вслѣдъ за сѣрымъ
Носилась бѣшенымъ карьеромъ...

А я сидѣлъ на старомъ пнѣ,
Поросшимъ мхомъ... И любо мнѣ
Здѣсь было такъ въ тѣни душистой,
Пронзенной лентой золотистой...

II.

«Ау, ау! гдѣ, гдѣ вы? гдѣ вы?»
«Пора домой! скорѣй! пора!..»
Грибнымъ увлекшись спортомъ, дѣвы
Забыли часъ... Какъ дѣтвора,

Лѣсъ оглашая звонкимъ смѣхомъ,
Перекликаясь съ вѣщимъ эхомъ,
Поютъ, и пѣсни голосъ чистый
Струится трелью серебристой...

«Ау, скорѣй! въ обратный путь!..»
Вотъ на полянкѣ отдохнуть
Собрались всѣ съ своимъ уловомъ...
Купаясь въ блескѣ бирюзовомъ,

12.

Перебираемъ мы грибы —
Волнушки, рыжики, маслянки, —
Я, бѣдный пасынокъ судьбы,
Принесъ съ собой лишь двѣ поганки...

Кузина, нѣтъ, не мой удѣлъ
Искать въ лѣсу ихъ, на полянѣ, —
Я находить грибы умѣлъ,
Признаться, только лишь въ сметанѣ...

Вдали, вдали ужъ виденъ домъ...
Поднявшись быстро, мы бѣгомъ,
Всѣ въ перспективѣ сладкой, дивной,
Спѣшимъ на колоколъ призывный...

13.

Владѣя риѳмой шаловливой,
Я продолжаю безъ труда,
Вамъ свой разсказъ неприхотливый
И за ѣдою, господа...

По гигіенѣ, за обѣдомъ,
Смѣхъ, говорятъ, необходимъ:
Идя за ней покорно слѣдомъ
Въ сознаньи нашемъ воскресимъ

Картиной жизненной и яркой,
Какъ поэтическій сонетъ,
Искусство чудное кухарки
И пылкій жаръ ея котлетъ...

14.

Грядущихъ строфъ моихъ залогомъ
Вамъ служитъ первая глава...
Начавъ обѣдъ въ порядкѣ строгомъ,
За водку примемся сперва.

Какъ ни силенъ я и ни стоекъ,
Но видъ, волшебный видъ настоекъ,
Неотразимо, какъ магнитъ,
Меня всегда къ себѣ манитъ...

И дань отдавъ всѣмъ по порядку,
Готовъ пуститься я въ присядку,
Нарушивъ сразу этикетъ...
Закускамъ двигается вслѣдъ

15.

Великолѣпная окрошка:
О, гдѣ моя большая ложка!
А тамъ ужъ дразнятъ жадный взглядъ
Индѣйка, фрукты и салатъ...

Веселый часъ! нельзя безъ смѣха
Мнѣ вспоминать тебя порой:
Погибъ обѣда чинный строй
И начинается потѣха...

Катятся бомбы и картечи,
Ужъ близокъ мигъ кровавой сѣчи,
Ядромъ контуженный въ високъ,
Пускаюсь быстро на утекъ...

16.

Въ разгарѣ полдень знойный, длинный...
Покоясь мирно въ гамакѣ,
Я предаюсь мечтамъ... Въ гостинной
Бренчитъ рояль... Невдалекѣ

Ручей струится, — тихій ропотъ,
Дрожащихъ листьевъ страстный шопотъ,
Съ жужжаньемъ пчелъ, напѣвомъ нѣжнымъ
Въ эфирѣ льется безмятежномъ...

И долго въ грезахъ я виталъ,
Дремотой сладкой упоенный,
А надо мною замиралъ
Въ истомѣ океанъ влюбленный...

17.

Широкій лугъ... Цвѣтнымъ узоромъ
Сверкая, стелется покосъ...
Рѣзвясь, какъ стадо юныхъ козъ,
Летимъ впередъ мы, по заборамъ,

Плетнямъ, канавамъ и кустамъ...
Какъ хорошо и славно тамъ:
Залитый яркимъ солнца свѣтомъ,
Какъ онъ чудесе́нъ жаркимъ лѣтомъ

Зеленый лугъ, зеленый лугъ!..
Травою свѣжею вокругъ,
Ромашкой, викой, васильками
Все пахнетъ, дышетъ передъ нами,

18.

Переливается, горитъ...
Вонъ цапля сѣрая стоитъ,
Косматый коршунъ съ хищнымъ взоромъ
Паритъ давно надъ темнымъ боромъ,

Пасутся кони, а вдали
Сидятъ у рѣчки журавли...
Я подошелъ къ нимъ близко, близко,—
Сперва, поднявшись очень низко,

Они съ курлыканьемъ своимъ
Летали долго надъ покосомъ,
Пока не скрылись за крутымъ,
Едва виднѣвшимся откосомъ...

19.

Кузина, помните тотъ часъ,
Когда, спустясь къ ручью оравой,
Мы занимались переправой?..
Я вспоминаю каждый разъ

Съ веселымъ смѣхомъ и улыбкой
Тотъ мигъ, когда мы съ жердью гибкой
Бѣжимъ въ припрыжку изъ кустовъ —
И вотъ нашъ Чортовъ мостъ готовъ.

Тогда походкой смѣлой, вѣрной
Вы, точно горъ альпійскихъ серна,
Летите первою впередъ...
Насъ всѣхъ бросаетъ въ жаръ и потъ,

20.

И лишь боясь казаться трусомъ,
Рискуя лбомъ, костюмомъ, флюсомъ,
Перебираемся за вами...
Дрожитъ и гнется подъ ногами

Нашъ жалкій мостъ... Шумитъ ручей,
Игрою солнечныхъ лучей
Дробится влага золотая,
На днѣ мелькаетъ рыбокъ стая,

А вы, срывая васильки,
Стоите тутъ же у рѣки,
И, заливаясь звонкимъ смѣхомъ,
Насъ поздравляете съ успѣхомъ...

21.

Ужъ зной спадалъ, и плыли тѣни...
День собирался отдохнуть,
Когда, за чаемъ, мы въ Вeлéни
Рѣшили свой направить путь...

Туда шесть верстъ. Жалѣя ноги
Свои дворянскія — мы дроги
Беремъ съ двуколкой, и тотчасъ
Въ конюшню шлется нашъ приказъ...

Вечерній воздухъ тихо таетъ...
Мы выѣзжаемъ изъ воротъ —
Направо, влѣво, и мелькаетъ
За поворотомъ поворотъ...

22.

Вокругъ поля... Лихіе кони
Везутъ насъ быстро... Славный видъ!
Звѣзда зажглась на небосклонѣ,
Прозрачна даль... Изъ подъ копытъ

Клубится пыль. За темной чащей
Видна деревня. Чаще, чаще
Навстрѣчу ѣдутъ мужики...
Лѣвѣй, за лѣсомъ, у рѣки

Струится дымъ столбомъ лиловымъ...
Но вотъ въ деревнѣ лаемъ псовымъ
Нашъ поѣздъ встрѣченъ—визгъ и гамъ
И крикъ стоитъ по сторонамъ...

23.

Широкимъ, пышнымъ, влажнымъ лугомъ
Мы ѣдемъ тихо, напрямикъ...
Вдали огромнымъ полукругомъ
Сверкаетъ озеро... Куликъ,

Сорвавшись гдѣ-то, съ тонкимъ свистомъ
Несется въ воздухѣ лучистомъ,
Въ болотѣ квакаютъ лягушки,
Гудятъ жуки, летаютъ мушки,

Чуть слышно тянетъ вѣтерокъ,
Темнѣй становится востокъ,
Свѣжеетъ быстро, и туманомъ
Роса скользитъ ужъ по полянамъ...

24.

А вотъ и озеро... Стой, стой!
Мы слѣзли и пошли по краю...
Тамъ, за осокою густой,
Въ вечернихъ сумеркахъ играя,

Сидятъ еще навѣрно утки...
Но тихо все... Напрасно чуткій
Мы напрягаемъ слухъ и глазъ...
Заблеявъ, выскочилъ бекасъ,

Взлетѣла выпь, плеснулась щука,
И снова тихо, тихо... Звука
Не слышно намъ... Невдалекѣ
Рыбакъ удилъ на челнокѣ...

25.

А дальше виденъ боръ дремучій, —
Надъ нимъ нависли низко тучи,
Лучомъ прощальнымъ озаренъ,
Онъ молча погружался въ сонъ...

День угасалъ... Въ вечернемъ свѣтѣ
Багровый вспыхивалъ закатъ,
И облаковъ прозрачныхъ рядъ
Тихонько таялъ... Въ яркомъ цвѣтѣ

Пылали листья, небо, воды,
Спать собиралась вся природа,
Спускалась ночь, и съ вышины
Ужъ кротко лился свѣтъ луны...

26.

«Эй, вы, любезные»! галопомъ
Несемся вскачь домой... Темно...
Свой хороводъ уже давно,
Въ просторѣ вольномъ и широкомъ,

Заводятъ звѣзды,—то лампады
Богъ зажигаетъ въ вышинѣ...
Вотъ возвратилось съ поля стадо,
Другое, третье... На конѣ

Промчался парень... «Подходящій»
Заржалъ привѣтно съ «Воронкомъ»,
Когда, вдали, за рощей спящей,
Намъ показался милый домъ..

27.

«Еще одно, одно сказанье»,—
Смѣлѣе, вѣрный мой Пегасъ!
Я разскажу вамъ на прощанье
Какъ, послѣ ужина, тотчасъ

Съ веселымъ крикомъ, визгомъ, смѣхомъ
Бѣжимъ гурьбой въ тѣнистый садъ
Отдаться сладостнымъ потѣхамъ,—
Я—волкъ, вы—овцы... Словно градъ,

Одеждой свѣтлою бѣлѣя,
Мелькаютъ дѣвушки въ аллеѣ...
Всѣхъ изловлю я безъ труда,—
Но васъ, лишь васъ одну, да, да—

28.

Мнѣ не поймать... Затѣмъ въ горѣлки
Играемъ долго, цѣлый часъ...
Журчатъ тихонько волны Бѣлки,
Послѣдній лучъ давно погасъ...

Спитъ темный садъ въ густомъ туманѣ,
Насъ ожидаетъ всѣхъ постель,
Вдали, за рѣчкой, на полянѣ,
Кричитъ безъ толку коростель...

Волшебной тайною полна,
Намъ улыбается луна,
Все гуще сумракъ молчаливый,
И ночь ползетъ, ползетъ лѣниво...

29.

Такъ въ тишинѣ, какъ сонъ чудесный,
Летѣли дни, — я не забылъ
Тотъ славный часъ и край, гдѣ въ тѣсной
Семьѣ и я счастливымъ былъ...

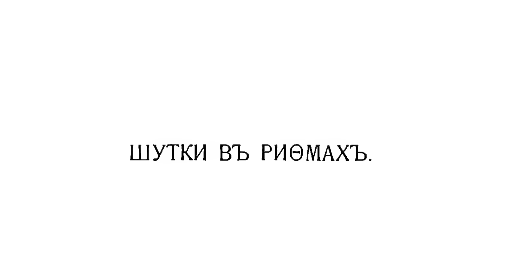
Гдѣ, промѣнявъ свой мечъ на лиру,
Я жилъ, не вѣдая заботъ,
Во многомъ слѣдовалъ зефиру
И легковѣрнымъ струямъ водъ...

Гдѣ не страдалъ я вовсе сплиномъ,
Мечталъ, какъ истинный поэтъ,
И, пѣснямъ вторя соловьинымъ,
Все одѣвалъ въ лазурный цвѣтъ...

30.

Собравъ тѣ дни въ букетъ созвучій,
Я ловко ихъ связалъ узломъ,—
Пусть иногда вамъ стихъ пѣвучій
Напоминаетъ о быломъ.

И полетѣвъ мечтой на время
Въ свой милый Щирскъ, вы, между строкъ,
Прочтите то, что я не могъ
Повѣдать вамъ въ своей поэмѣ...

ШУТКИ ВЪ РИѲМАХЪ.

КУМЪ СТЕПАНЪ.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

I.

Поздно вечеромъ, въ сочельникъ,
И съ похмѣлья полупьянъ,
На савраскѣ, черезъ ельникъ,
Возвращался кумъ Степанъ.

Нынче онъ сварганилъ дѣло:
Бойко ярмарка кипѣла —
И въ мошнѣ съ собой онъ везъ
Пять серебряныхъ колесъ...

Въ передкѣ лежатъ обновки —
Алый ситецъ для жены,
Да монисты для золовки,
А себѣ купилъ штаны...

2.

Звѣзды блещутъ... Стужа злится...
Все быстрѣй саврáски бѣгъ...
Ночь таинственно струится,
По бокамъ сверкаетъ снѣгъ.

Полный мѣсяцъ яснымъ взоромъ
Ходитъ весело дозоромъ,
Проливая свѣтъ съ небесъ
На поляны и на лѣсъ...

Сумракъ дѣлается гуще, —
Въ полушубокъ спрятавъ носъ,
Дремлетъ кумъ Степанъ... Все пуще
Злится дѣдушка Морозъ...

3.

Вдругъ савраска захрапѣла —
Нѣтъ въ селѣ коня умнѣй —
Кумъ Степанъ взглянуть въ чемъ дѣло
Вылѣзаетъ изъ саней...

Смотритъ — хата... Что за чудо!
Обогрѣться бы не худо!
Сквозь окошко тусклый свѣтъ
Шлетъ Степану свой привѣтъ.

Привязавъ коня къ забору,
Въ сѣни входитъ кумъ Степанъ, —
Бѣсъ ли съ нимъ сыгралъ въ ту пору
Или просто былъ онъ пьянъ...

4.

«Нашъ поклонъ всему народу!
Выдалъ праздничекъ, Христосъ, —
Ну, погодка, право! сроду
Снился-ль эдакій морозъ!..»

Мужиками полна хата,
Въ карты рѣжутся ребята —
Слышитъ кумъ Степанъ вокругъ
Все знакомый носу духъ...

Мужики Степану рады,
Тащутъ новый полуштофъ...
Тускло свѣтятся лампады
Въ спины пьяныхъ мужиковъ...

5.

Кумъ Степанъ согрѣлся живо —
Выпить былъ онъ не дуракъ...
Вскорѣ повѣстью хвастливой
Оглашается кабакъ:

«Вотъ везу домой обновки
Для жены да для золовки —
Нынче взялъ я за овесъ
Пять серебряныхъ колесъ...

Будутъ рады, словно принцу,
Загуляемъ до весны,
Всѣмъ везу я по гостинцу,
А себѣ купилъ штаны»...

6.

Мужики ему смѣются:
«Ахъ, комаръ тебя заѣшь!»
И изъ треснувшаго блюдца
Водку льютъ ему на плѣшь...

Самъ Степанъ навзрыдъ хохочетъ,
Снова пьетъ, и снова хочетъ,
И послѣдній серебромъ
Рубль пускаетъ онъ ребромъ...

Позабывъ свои обновки
И савраску, нашъ Степанъ,
Послѣ пятой сороковки,
Закатился подъ диванъ...

7.

Лучъ лампады догораетъ,
Спятъ въ повалку мужики,
Пьяный кумъ во снѣ рыдаетъ,
Затрещалъ сверчокъ съ тоски...

Мѣсяцъ свѣтится въ окошко,
У дверей скребется кошка,
Цѣловальникъ за стѣной
Тихо шепчется съ женой...

Утромъ рано встали воры...
Ярко стекла серебря,
Сквозь морозные узоры,
Въ окна смотрится заря...

8.

Вотъ и праздникъ... Кумъ проснулся,
Осѣнилъ себя крестомъ...
Что за притча! Оглянулся —
Кошка черная хвостомъ

Шевелитъ, сидя на печкѣ,
Глазки свѣтятъ ярче свѣчки...
И схватившись за бока,
Кумъ летитъ изъ кабака...

Хлопья кружатся, какъ стружки —
Ни савраски, ни саней...
Только воронъ у опушки
Вьется съ крикомъ передъ ней...

ДОНЪ РОДРИГО.

ИСПАНСКАЯ МЕЛОДІЯ.

I.

Двѣ недѣли, какъ Родриго
Дикой страстью весь охваченъ,
Мало ѣстъ, не спитъ, не куритъ,
Не поетъ, угрюмъ и мраченъ.

И фанданго не танцуетъ,
И не трогаетъ гитары,
Побѣжденный красотою
Черноокой донны Клары...

Но красавица не внемлетъ
Злой тоскѣ сердечной дона,
И на пылкія признанья
Улыбается съ балкона...

2.

На пятнадцатыя сутки,
Лишь къ вечернѣ зазвонили,
И куранты на соборѣ
Восемь разъ подрядъ пробили,

Донъ Родриго вдругъ воскликнулъ:
«Санкто Яго Компостелло!
Этихъ мукъ душевныхъ ада
Не выноситъ мое тѣло!»...

И надвинувши сомбреро,
Запахнувшись въ плащъ широкій,
Полетѣлъ на крыльяхъ страсти
Къ дому донны черноокой...

3.

Ночь... Луна на небѣ темномъ...
Спитъ Севилья, сномъ объята...
Отъ гранатъ и отъ акацій
Льются волны аромата...

Дремлетъ, свѣтомъ озаренный,
Старый садъ, кусты сирени,—
Отъ стволовъ, вѣтвей ложатся
Фантастическія тѣни...

Тихо все... Въ безмолвьи ночи
Слышенъ лишь порывъ зефира
Да глухой, неясный лепетъ
Сонныхъ струй Гвадалквивира...

4.

Вдругъ подъ окнами вентаны
Черноокой донны Клары,
Раздаются очень ясно
Звуки нѣжные гитары...

Три вступительныхъ аккорда,
Полныхъ страсти и услады, —
И подъ рокотъ струнъ дрожащихъ
Полилася серенада...

И среди безмолвья ночи
Дивно лился голосъ къ милой,
То звучавшій нѣгой сладкой,
То дышавшій бурной силой...

5.

«Ты не спишь, о, донна Клара!
Ждетъ тебя Родриго-донъ,
Выходи-жъ, о mia cara,
Поскорѣе на балконъ...

Выйди, выйди безъ опаски
И узри мою любовь,
Какъ огнемъ безумной ласки
Я твою согрѣю кровь...

Какъ въ горячемъ поцѣлуѣ
Я забыть заставлю міръ,
Какъ тебя, душа, люблю я
Ты увидишь, мой кумиръ!...

6.

Ночь тиха и ароматна,
Звѣзды свѣтятъ съ вышины,
Блѣднорозовыя пятна
Льетъ двурогій серпъ луны...

Выйди-жъ, выйди, влей отраду
Въ душу бѣдную пѣвца, —
Отзовись на серенаду
И сойди скорѣй съ крыльца...

Если-жъ нѣтъ — клянусь рапиры
Острой сталью, ангелъ мой,
Что въ волнахъ Гвадалквивира
Я найду себѣ покой!»...

7.

Дверь чуть слышно отворилась,
И, склонясь на край балкона,
Въ легкой шелковой мантильѣ
Передъ нимъ явилась донна:

«Это вы, сеньоръ Родриго,
Въ часъ ночной поете пѣсни?
Спать ложитесь, обольститель,
Не сойду къ вамъ, хоть вы тресни!...

До свиданья, храбрый рыцарь,
Дочь гидальго вамъ не пара!»...
И, сверкнувъ во тьмѣ очами,
Удалилась донна Клара...

8.

Ночь проходитъ... Гаснутъ звѣзды...
Заалѣлъ востокъ румяный...
Донъ Родриго, какъ безумный,
Все стоитъ передъ вентаной.

Все стоитъ и въ окна смотритъ,
Оглашая воздухъ стономъ...
Вдругъ ужасная рѣшимость
Овладѣла бѣднымъ дономъ...

И съ невѣдомой отвагой,
Злой тоски и гнѣва полный,
Подбѣжавъ къ Гвадалквивиру —
Хвать въ катившіяся волны...

ПЕДРО ГОМЕЦЪ.

Десять дней, какъ Педро Гомецъ,
Донжуанъ Вальядолита,
Осаждаетъ сердце Бьянки
Дель Эспады изъ Мадрита...

Донъ красивъ, высокъ и строенъ,
Взглядъ очей — кинжаловъ пара,
Лихо пляшетъ онъ фанданго,
Льетъ любовь его гитара...

Но напрасны всѣ попытки
И стремленія Гомеца —
Не видать ему здѣсь больше
«Свѣтлыхъ дней Аранжуэца»...

Съ мрачнымъ видомъ часто бродитъ
Онъ подъ окнами вентаны,
Тщетно силясь вызвать пѣсней
Ликъ красавицы-гитаны...

Отчего-жъ такъ неприступно
Сердце Бьянки дель Эспады,
Отчего она не внемлетъ
Звукамъ страстнымъ серенады?

Сердце Бьянки неприступно,
Безъ любви и безъ отвѣта,
Оттого, что Педро Гомецъ
Не имѣетъ ни пезета...

МЕСТЬ.

Донъ Алонзо въ страшномъ гнѣвѣ,
Дикой злобой блещутъ очи,
Ровно часъ, какъ мрачно бродитъ
Онъ въ саду, подъ сѣнью ночи...

Дѣло въ томъ — свою супругу,
Донью Пеппу де ла Торра,
Донъ засталъ въ лихихъ объятьяхъ
Молодца-торреадора...

«Громъ и молнія! Каррамба!
Сто чертей! Какъ! Что! Измѣна?
Благородному гидальго
Предпочесть щенка-Химена?»

Долго думалъ онъ и въ мракѣ
Ужъ тонула Барселона, —
Вмѣстѣ съ сумракомъ улегся
Гнѣвъ въ душѣ ревнивой дона...

«Ну ихъ къ чорту! рекъ Алонзо,
Быть желаю кавалеромъ,
И отмстить сумѣю Пеппѣ
Я совсѣмъ другимъ манеромъ»...

Рекъ и вышелъ вонъ изъ сада,
Крупнымъ потомъ весь облитый,
И въ мгновенье очутился
У цыганки Маврикиты...

АННЕТА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Трехъ поклонниковъ Аннета
Въ восемнадцать лѣтъ имѣла —
Чернокудраго корнета,...
Но не въ этомъ, впрочемъ, дѣло...

«Будь моей! кричалъ онъ страстно,
Я люблю тебя безумно»!..
И палашъ его ужасный
Такъ гремѣлъ и бился шумно.

«Что я бѣденъ — не бѣда то,
Изъ за чести служимъ всѣ мы,
Будешь ты женой солдата,
Уважаемая всѣми...

Въ томъ клянусь тебѣ я шпагой!
Отвѣчай же поскорѣе,
Не томи меня,—съ отвагой:
Да! скажи, и будь моею»...

Взоръ его горѣлъ любовью —
Былъ красивъ лихой вояка:
Съ усомъ чернымъ, съ черной бровью
Полюбился бы онъ всякой...

Призадумалась Аннета...
Сердце, сердце какъ стучало!..
«Подождите», такъ корнету
Она робко отвѣчала...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

«Я люблю васъ, о, богиня!
Такъ шепталъ ей Аполлона
Жрецъ достойный, «вы святыня,
Вы, вы — муза Геликона!..

Какъ свѣтильникъ лучезарный
Вы мнѣ блещете во мракѣ,
О, кумиръ вы мой янтарный,
Будемъ счастливы мы въ бракѣ!..

Изъ волшебныхъ грезъ построимъ
Мы себѣ дворецъ чудесный,
Въ немъ служить намъ цѣлымъ роемъ
Будетъ эльфовъ сонмъ небесный...

Мы не будемъ знать ни горя,
Ни тоски, ни злой печали,
И смѣяться вѣчно море
Будетъ намъ съ лазурной далью...

А амброзію нектаромъ
Запивая, мы, какъ боги,
Будемъ жить съ тобой»!.. такъ съ жаромъ
Говорилъ поэтъ убогій...

«Славно какъ», проговорила
Про себя, смѣясь, Аннета,
И прибавивъ: «Очень мило»...
Удалилась отъ поэта...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Третій былъ изящный «статскій»,
Всюду звался генераломъ,
Геморрой имѣлъ онъ адскій
Плюсъ съ солиднымъ капиталомъ.

«Я по зрѣломъ размышленьи,
Говорилъ онъ такъ Аннетѣ,
Прихожу, вдругъ, къ заключенью,
Что лишь васъ одну на свѣтѣ

Полюбить могу серьезно,—
Завтра буду ждать отвѣта,
Мнѣ женой, пока не поздно,
Соглашайтесь быть, Аннета...

Будемъ жить мы въ бель-этажѣ,
Рысаковъ мы не забудемъ,
И въ роскошномъ экипажѣ
Мы кататься съ вами будемъ...

Звать васъ будутъ генеральшей,
Платье будемъ шить у Ворта,
Шелкъ, брильянты, блескъ... и дальше
Все прекраснѣйшаго сорта...

Какъ вамъ нравится жизнь эта?
Соглашайтесь, другъ мой милый,
И повѣрьте мнѣ, Аннета,
Что въ нашъ вѣкъ лишь деньги — сила»!..

ЭПИЛОГЪ.

Здѣсь романъ главою третьей,
Къ сожалѣнью, прекратился —
Неизвѣстно, кто Аннетѣ
Въ этой тройкѣ полюбился...

Чернокудрый ли воитель,
Взоромъ пламеннымъ и страстнымъ,
Ей сердечную обитель
Вдругъ зажегъ огнемъ опаснымъ...

Или скромный обладатель
Золотистаго чертога
Къ сердцу дѣвы — о, мечтатель —
Проложилъ себѣ дорогу...

Наконецъ, не тотъ ли важный,
Что имѣлъ многоэтажный
Домъ, понравился прелестной?..
Кто счастливецъ — неизвѣстно.

Но надняхъ, узнавъ Аннету
Въ блескѣ сказочнаго бала,
Я спросилъ, и мнѣ на это
Все Аннета разсказала...

Что узналъ я, боги, боги!..
Вѣдь она всѣ три дороги,
Такъ искусно и такъ смѣло
Сочетать въ одной сумѣла!..

БАЛЛАДА.

Угрюмъ и хмуръ сидитъ баронъ
Оскаръ фонъ Гозенцвергъ,—
Онъ ночью видѣлъ страшный сонъ,
Онъ видѣлъ сонъ въ четвергъ.

Барону снилось, какъ за Гробъ
Христовъ въ Землѣ Святой,
Онъ сарацинамъ мѣдный лобъ
И панцырь золотой

Пятнадцать длинныхъ, долгихъ лѣтъ
Безстрашно подставлялъ,—
И свято выполнивъ обѣтъ,
Къ пенатамъ отъѣзжалъ...

На кораблѣ и день и ночь
Плыветъ домой баронъ —
Тамъ ждетъ его супруга, дочь,
Тамъ ждетъ охота, гонъ...

И вотъ онъ въ замкѣ родовомъ:
Все тотъ же грозный видъ —
Бойницы, башни, валъ со рвомъ,
Все такъ же твердъ гранитъ...

Но гдѣ жена, гдѣ слуги, дочь?
Какъ замокъ пустъ и нѣмъ!...
Кто прибѣжитъ на зовъ помочь
Снять панцырь, латы, шлемъ?...

И крутитъ усъ баронъ Оскаръ:
«О, что за странный сонъ!...
Злой рокъ готовитъ мнѣ ударъ»...
И кнехта кличетъ онъ.

«Скажи мнѣ, вѣрный, добрый Фрицъ,
Ты магъ и чародѣй,
Насчетъ разгадки небылицъ
За поясъ всѣхъ людей

Заткнешь легко, какъ пиво дать,
И мудрецовъ и женъ,—
Я правду всю желаю знать—
Что значитъ этотъ сонъ?»...

«Сонъ въ руку! мрачно молвилъ Фрицъ,
Изволили вчера
Сражаться въ штоссъ вы, у дѣвицъ
Плумпуддингъ, а съ утра

Большое горе ждетъ, баронъ —
Супруги вашей нѣтъ!...
Въ четвергъ кто ночью видитъ сонъ —
Тотъ въ пятницу жди бѣдъ»...

«О, доннерветтеръ, о, ударъ,
О, страшный сонъ въ четвергъ!»...
И зарыдалъ баронъ Оскаръ,
Оскаръ фонъ Гозенцвергъ...

ДУМЫ.

СКАЗКА.

Тихо вечеръ догораетъ... Степь покрылась мутной дымкой,
Въ блескѣ розовомъ заката потонули облака...
Изъ за лѣса, надъ рѣкою, выплылъ мѣсяцъ невидимкой,
Чуть колышется и шепчетъ сказку сонная рѣка...

Въ этотъ тихій теплый вечеръ я люблю внимать той сказкѣ,—
Словно трепетная сага, чей-то голосъ въ тишинѣ,
Полный грусти, полный нѣги, полный прелести и ласки,
Каждый разъ неуловимо обращается ко мнѣ...

И рожденный въ чудныхъ грезахъ, образъ милый и желанный,
Весь въ таинственномъ мерцаньи, мнѣ является тотчасъ,
И явившись на мгновенье, и растаявъ въ мглѣ туманной,
Вмѣстѣ съ сказкою вечерней улетаетъ каждый разъ...

ДУМА.

Вечернія тучи слетались гурьбой,
Надъ озеромъ таялъ туманъ голубой,
И звѣзды мерцали, и волны шумѣли,
И тихую пѣсню таинственно пѣли...

Волна за волною шептала волнѣ:
«За моремъ далекимъ, въ далекой странѣ,
Есть царство, гдѣ солнце живетъ круглый годъ,
Природа волшебна и счастливъ народъ...

Тамъ горя не знаютъ, не знаютъ тоски,
Мечтанья воздушны, желанья легки,—
Скорѣе, подружки! За десять морей,
Въ то чудное царство умчимся скорѣй!»...

Такъ волны шептались въ ту тихую ночь...
О, еслибъ тѣ волны могли мнѣ помочь!
Какъ серна, какъ чайка, какъ вѣтеръ степной
Я тотчасъ помчался бы вслѣдъ за волной...

И долго манила насъ тайная даль...
И волнамъ разстаться съ мечтой было жаль...
И волны лишились навѣянныхъ грезъ
И жалобно бились о мрачный утесъ...

ЛЕГЕНДА.

Высоко, высоко, между скалами,
Ядовитый цвѣтокъ расцвѣталъ,
Просыпался онъ съ зорьками алыми
И съ вечерней звѣздой засыпалъ.

И ласкали его вѣтры горные,
Цѣловали мятель и туманъ —
Лепестки голубые и черные
Осторожно хранилъ ураганъ.

И цвѣтокъ, убаюканный грезами,
Жилъ и день, жилъ и годъ, жилъ и вѣкъ,—
Разъ, въ погонѣ за дикими козами,
Вдругъ увидѣлъ его человѣкъ.

И цвѣтокъ тотъ руками усталыми
Онъ тихонько привлекъ и сорвалъ,—
Потемнѣло надъ острыми скалами,
Закружился, какъ бѣшеный, валъ...

И съ тѣхъ поръ, на землѣ, вмѣстѣ съ розами,
Вмѣстѣ съ счастьемъ въ юдоли людской,
Много горя съ печалью да слезами,
Много скорби съ унылой тоской...

---

* * *

Я помню ночь одну... Дремалъ тѣнистый садъ,
Внизу, у нашихъ ногъ, ручей журчалъ устало,
Во мракѣ пропадалъ аллей широкихъ рядъ,
И доносились намъ навстрѣчу звуки бала...

Гремѣлъ волшебный вальсъ... Таинственный мотивъ
То плакалъ, то порой смѣялся въ отдаленьи, —
И станъ воздушный твой рукой своей обвивъ,
Я прижималъ къ себѣ въ безумномъ восхищеньи...

Сегодня та же ночь... И снова такъ тепла,
И снова тотъ же вальсъ доносится, какъ прежде...
О, ненаглядная! о, еслибъ ты могла
Сегодня быть со мной... О, еслибы въ надеждѣ

Увидѣть образъ твой я находиться могъ,
Лелѣять, ожидать, томиться, какъ бывало...
И, наконецъ, забыть весь міръ у милыхъ ногъ
Подъ шопотъ сонныхъ струй и нѣжный рокотъ бала...

---

* * *

Я зналъ васъ когда-то... Мечтою влюбленной
За вами слѣдилъ я ревниво и жадно,—
Скрывая волненье любви затаенной,
Мнѣ было на сердцѣ тепло и отрадно...

Я помню улыбку, случайныя встрѣчи,
На бархатныхъ щекахъ прозрачную краску,
Смущенные взоры и тихія рѣчи...
Какъ было все это похоже на сказку!...

И яркими днями, и ночью безсонной,
И сильный, и слабый, больной, утомленный,
Я жилъ лишь мечтою, я грезилъ лишь вами,
И все разсказать вамъ боялся словами...

И сказка померкла, та чудная сказка...
И снова одинъ я... «Вернитесь, о, гдѣ вы!
Вернитесь, здѣсь солнце, здѣсь счастье, здѣсь ласка!»...
И струны порвались—и смолкли напѣвы...

НА РАСПУТЬИ.

На перекресткѣ трехъ дорогъ
Мой конь остановился...
Былъ дологъ путь — я изнемогъ
И конь мой утомился...

И я не зналъ куда идти...
Чернѣла ночь, какъ яма,—
Передо мною три пути:
Направо, влѣво, прямо...

И я увидѣлъ всторонѣ
Вдругъ странника съ клюкою:
«Скажи, старикъ, какъ ѣхать мнѣ
Къ ночлегу и покою?»

«Ступай дорогою прямой,
Мнѣ странникъ такъ отвѣтилъ,
Не бойся зла, борися съ тьмой,
И путь твой будетъ свѣтелъ»...

ТОСКА.

Я проснулся сегодня такъ рано,
Звѣзды меркли на небѣ ночномъ,
Пеленою прозрачной тумана
Былъ окутанъ и садъ весь и домъ...

Гдѣ-то звонъ вдалекѣ раздавался,
Онъ гудѣлъ то протяжно, то рвался,
И печально, какъ плачъ, и маня,
Словно вздохъ долеталъ до меня...

Въ этотъ часъ блѣдносѣрый разсвѣта
Я напрасно пытался заснуть,
И томило предчувствіе гдѣ-то,
И тоскою сжималася грудь...

Словно призракъ грядущаго горя,
Думамъ скорбнымъ и тягостнымъ вторя,
Онъ гудѣлъ, разгоняя мой сонъ,
Этотъ тихій таинственный звонъ...

СФИНКСЪ.

Я женщину видѣлъ, но въ образѣ львиномъ,—
Безстрастный, холодный, угрюмый гранитъ,
Какъ стражъ неподкупный, на мѣстѣ пустынномъ,
Онъ вѣчную тайну въ себѣ сторожитъ...

Кругомъ разстилалось песчаное море,
На югѣ дрожала и гасла звѣзда,—
Гигантская львица въ вечернемъ уборѣ
Звала и манила къ себѣ, какъ вода...

Я шагомъ подъѣхалъ къ чудесной громадѣ—
Проснувшись, залаялъ голодный шакалъ...
И долго въ нѣмомъ и загадочномъ взглядѣ
Я скрытую тайну и думу искалъ...

Но краски померкли, и ночь наступила...
Все тихо, все дремлетъ... И только гранитъ,
Какъ стражъ неподкупный, нѣмой, какъ могила,
Великую тайну въ себѣ сторожитъ...

РУСАЛКИ.

У за̀води сонной, у трепетныхъ водъ,
Гдѣ дубъ заповѣдный и яворъ растетъ,
Гдѣ ивы склонились, тамъ, тѣшась игрой,
Рѣзвились русалки вечерней порой...

Въ одеждѣ прозрачной изъ лилій и травъ,
Съ вѣнками изъ желтыхъ и синихъ купавъ,
Сплетались, сходились и бѣлымъ плечомъ
Къ плечу прижимались, играя лучомъ...

И звѣзды сверкая, и мѣсяцъ блестя,
Глядѣли, какъ мокрой косой шелестя,
Прекрасныя дѣвы вели хороводъ
У за̀води сонной, у трепетныхъ водъ...

Сплетались, кружились, и вплоть до утра
При хохотѣ звонкомъ тянулась игра,
И съ первымъ разсвѣта лучомъ золотымъ
Все скрылось безслѣдно, растаявъ какъ дымъ...

---

* * *

Я ѣхалъ дорогой глухой и угрюмой,
Темнѣли поляны, темнѣли лѣса,—
И въ сердцѣ роились печальныя думы
И вторилъ печально имъ скрипъ колеса...

На козлахъ мурлыкалъ ямщикъ бородатый,
Усталые кони лѣниво плелись...
Мнѣ скучно, мнѣ грустно! Тоскою объятый,
Я молча глядѣлся въ темнѣвшую высь...

И я обратился къ возницѣ съ тревогой:
«Ямщикъ, не ошиблись съ тобой мы дорогой,
Смотри, какъ уныло, какъ страшно вокругъ.—
Все лѣсъ, да болото, да лугъ...

Смотри, уже звѣзды на небѣ мигаютъ —
Мы ѣдемъ такъ долго и нѣтъ ни души,
Ночлега не видно, насъ ночь настигаетъ,
Скорѣе, ямщикъ, поспѣши»...

«Доѣдемъ, не бойся»... И точно: во мракѣ,
Сквозь дымку тумана мерцали огни,
Тоскливо и жалобно выли собаки,
А справа и слѣва все кочки да пни...

Онъ дернулъ возжами, ямщикъ мой угрюмый...
На низкихъ полянахъ бѣлѣла роса...
И въ сердцѣ роились печальныя думы
И вторилъ печально имъ скрипъ колеса...

---

* * *

Я искалъ разгадку жизни
Въ шумѣ улицъ, разговорахъ,
Въ пѣсняхъ птицъ, шептаньи лѣса,
Плескѣ тихихъ свѣтлыхъ водъ,

Я искалъ разгадку въ храмѣ,
Въ буйномъ пирѣ, въ морѣ, въ горахъ,
Тамъ гдѣ ярче блещутъ звѣзды
И лазурнѣй небосводъ...

И среди людской заботы,
И среди лѣсного шума,
Я отвѣта ждалъ напрасно,
И нигдѣ не находилъ,—

И порою чей-то голосъ
Шепчетъ тайну мнѣ угрюмо:
Только тотъ нашелъ разгадку,
Кто любимъ былъ и любилъ...

БРЕДЪ.

Друзья, помогите, мнѣ страшно, я боленъ,
Глаза застилаетъ зеленый туманъ,
Я слышу повсюду то звонъ колоколенъ,
То мѣрно идущій въ степи караванъ…

То будто грохочетъ недремлющій молотъ,
Порою мнѣ слышится скорбный напѣвъ,
То въ жаръ меня кинетъ, то въ бѣшеный холодъ,
И вижу я пальмы и трепетныхъ дѣвъ…

Мнѣ нынче мерещилось новое чудо:
Я ѣхалъ дорогой… Гасъ медленно день,—
Печальныхъ развалинъ лежавшая груда
Мнѣ путь пересѣкла, какъ мрачная тѣнь…

Вошелъ я… Въ покояхъ пустыхъ, въ безпорядкѣ,
Валялись осколки, одежда, перчатки,
И сыро такъ было, и душно, и гнилъ
Тамъ воздухъ тяжелый, какъ запахъ могилъ…

Въ заржавленныхъ петляхъ скрипѣло окошко...
Три черныя крысы возилися съ кошкой,
И съ пискомъ метнулись, увидѣвъ меня
При сумрачномъ свѣтѣ мерцавшаго дня...

А я подымался все выше и выше
По влажнымъ и скользкимъ ступенямъ... Вокругъ
Въ испугѣ летали то совы, то мыши,
И слышался гдѣ-то таинственный стукъ...

То сердцѣ въ тревогѣ стучало и ныло,
Какъ будто навѣки себя хоронило,
Какъ будто прощалось навѣки съ собой,
Наскучивъ и жизнью и тяжкой борьбой...

Мнѣ жутко, мнѣ страшно... Рубашка промокла,
Неясныя тѣни я жадно ловилъ,
Луна заглянула въ разбитыя стекла,
За окнами вѣтеръ томительно вылъ...

И вдругъ я увидѣлъ при трепетномъ блескѣ,
Какъ тихо качнулись въ углу занавѣски...
И съ яростнымъ визгомъ, какъ раненый звѣрь,
Внезапно раскрылась широкая дверь...

Въ обширномъ покоѣ стояла гробница...
Чуть теплились свѣчи... Печально струится
Прозрачною лентой мерцающій дымъ...
Высокія стѣны и окна густымъ

Какъ саванъ задернуты были покровомъ,
Вокругъ раздавался загадочный гулъ,—
И съ тайной тревогой, въ волненіи новомъ,
Я, къ гробу приблизясь, въ него заглянулъ...

И въ ужасѣ, съ крикомъ, назадъ я отпрянулъ...
И сверху, и снизу, и съ разныхъ сторонъ,
Какъ будто по знаку бѣсовскому грянулъ
И хохотъ, и ропотъ, и вопли, и стонъ...

И вижу себя я, и слышу я молотъ,
И снова доносится скорбный напѣвъ...
Мнѣ душно, мнѣ жарко, спасите, я молодъ,
О, дайте мнѣ ласки цѣлительной дѣвъ!...

Мнѣ душно, мнѣ страшно, я боленъ, я боленъ,
Глаза застилаетъ мнѣ яркій туманъ,
И слышу я снова то звонъ колоколенъ,
То мѣрно идущій въ степи караванъ...

---

* * *

Я бѣжалъ отъ тоски, я бѣжалъ отъ оковъ,
За лѣса, за холмы, за долины,
На раздолье степей, въ ширь зеленыхъ луговъ,
Гдѣ свободнѣй полетъ соколиный...

Гдѣ стада облаковъ, собираясь весной,
Умываютъ потоками поле,
На безбрежный просторъ, гдѣ широкой волной
Буйный вѣтеръ гуляетъ на волѣ...

Я бѣжалъ отъ оковъ, и свободной мечтой
Улеталъ въ изумрудныя степи, —
И на мнѣ въ этотъ часъ, въ этотъ мигъ золотой,
Расковались незримыя цѣпи...

ВИДѢНІЕ.

Небрежно откинувъ рукой покрывало
И съ плечъ опустивши хитонъ яркосиній,
Какъ будто изъ пѣны таинственной вала,
Она мнѣ явилась прекрасной богиней...

По тѣлу скользили волшебныя пятна,
И мѣсяцъ и звѣзды глядѣли, мигая...
И было все это мнѣ такъ непонятно,
И сказкой казалась богиня нагая...

И я на колѣни упавъ передъ нею
Весь замеръ въ порывѣ нѣмого восторга,—
И съ тихой улыбкой, какъ дѣва краснѣя,
Она отдалась мнѣ безъ словъ и безъ торга...

ВЪ ДОРОГѢ.

Я снова свободенъ... Какъ вольная птица,
Отважно порвавъ заколдованный кругъ,
Бѣгу васъ чужія, холодныя лица
Туда, гдѣ ликуетъ и властвуетъ югъ...

Въ тотъ край, гдѣ прозрачнѣй лазурь небосвода,
Гдѣ краски свѣтлѣе и ярче природа,
Гдѣ ночи, какъ бездна, гдѣ Ворскла течетъ,
И знойное солнце печетъ...

Мчится поѣздъ по полянамъ,
По болотамъ, по лѣсамъ,
Дымъ синѣющимъ туманомъ
Улетаетъ къ небесамъ.

Ели, топи, топи, ели,
То канавы, то кусты,
То деревни, словно щели,
То прогнившіе мосты.

Сѣверъ мрачный, сѣверъ дикій,
Царство моха и брусники,—
И куда не кинешь взглядъ—
Сосны хмурыя стоятъ!..

Люди сѣры, небо сѣро —
Все тоскливо, какъ печаль,
Все тоскливо, какъ химера,
Какъ химеру всего жаль.

Мчится поѣздъ по полянамъ,
По болотамъ, по лѣсамъ,
Дымъ синѣющимъ туманомъ
Улетаетъ къ небесамъ.

Среди лязга, среди стука,
Сумракъ медленный, какъ скука,
Въ окна смотритъ, словно кротъ,
И ползетъ, ползетъ, ползетъ...

Нѣтъ, не люблю тебя сѣверъ холодный!
Въ сердцѣ поэта твой пасмурный видъ,
Блѣдный, какъ нищенки образъ голодный,
Вѣчной картиной печали стоитъ...

Вѣчной картиной страданья сѣрѣя,
Мелкихъ упрековъ, и злобы, и слезъ,...
Къ солнцу, о, къ солнцу! скорѣе, скорѣе
Въ край мой волшебный лазуревыхъ грезъ!..

---

* * *

...Еще одинъ послѣднiй поворотъ—
И дома я... Пестрѣетъ степь направо...
Спустясь къ рѣкѣ и переѣхавъ вбродъ,
Предъ взорами тѣнистая дубрава...

О, милый край! О, чудныя мѣста!
Гдѣ юность, какъ ручей, моя текла безпечно,
Гдѣ жизнь моя была такъ искренно-проста,
Гдѣ я мечталъ, любилъ и клялся въ дружбѣ вѣчной...

Знакомый видъ степей, луговъ цвѣтной узоръ,
Въ туманѣ, въ синевѣ, далекiй очеркъ горъ,
Вотъ озеро, гдѣ я съ ружьемъ вечернимъ часомъ
Безъ устали бродилъ по уткамъ и бекасамъ...

За рощей рядъ полей, а тамъ ужъ—домъ и садъ,
Нашъ старый темный садъ съ каштановой аллеей...
Да, сердцу моему такъ много говорятъ
Всѣ эти тополя, орѣшникъ, дубъ, гдѣ млѣя,

Признанье робкое ловилъ я на устахъ,
Гдѣ въ сумеркахъ ночныхъ, въ малиновыхъ кустахъ,
Срывалъ порой не разъ я жгучее лобзанье...
О, сладкiе мечты, часы, воспоминанья...

СОДЕРЖАНІЕ.

I. АРАБЕСКИ.

II. ЛѢТНЯЯ ПОЭМА.

III. ШУТКИ ВЪ РИѲМАХЪ.

IV. ДУМЫ.